Катри Вала,— я пришла слишком поздно и могу только идти по ее следам 〈...〉 может, лучше было бы ее вообще не знать» [18, с. 134].

Интерес пламеносцев к европейской культуре, стремление к наднациональному не отодвинуло на задний план их интерес к отечественной литературе. В начале XX в. финская поэзия обратила на себя внимание благодаря именам неоромантиков: Эйно Лейно, Ларин-Кюэсти, Л. Онерва — и завоевала широкое признание. Неоромантическое течение, захватившее на рубеже веков литературу, музыку, живопись Финляндии, закончило свое существование к 1910 г., но влияние неоромантизма оставалось сильным. Связь пламеносцев с неоромантиками была несколько глубже, чем это принято считать. Пламеносцы противопоставляли себя им, но в то же время переняли систему неоромантических образов и некоторые идеи неоромантизма. В их творчество перешли излюбленные неоромантиками образы огня, солнца, возвышенного сильного героя, противопоставления вечного и мгновенного, космического и земного.

Одной из программных особенностей неоромантического направления было отражение в искусстве красоты. Веру в красоту Эйно Лейно называл важным свойством поэта-неоромантика [19, с. 397]. Вслед за неоромантиками пламеносцы искали в окружающем мире красоту, но не находили. Неоромантиков этот поиск приводил к фольклору, к цельным характерам эпической поэзии, пламеносцев — к экзотике, к образам южной и восточной природы. Неоромантики передали пламеносцам и свою веру в гуманизм. Основополагающим жизненным принципом считал веру в назначение человека писатель-неоромантик И. Линнанкоски, в «малом катехизисе» («Vähäkatkismus») он требовал от личности «гуманизма и сверхгуманизма!» [20, с. 659]. Идея борющегося гуманизма стала одной из главных в творчестве пламеносцев. Выраженная абстрактно, она тем не менее была толчком для развития последующей прогрессивной поэзии Финляндии.

В отличие от неоромантиков, пламеносцы занимали иные позиции в отношении к вопросам познания, к идее творчества, к проблеме человека и общества. Они не ставили искусство выше жизни, не переоценивали роль интуиции, не стремились к глобальным обобщениям. Их любовь к жизни была телесной, полной физических ощущений. Первый номер альманаха «Туленкантаят» («Пламеносцы»), который они выпускали, начинался стихотворением Ууно Кайласа «Мы» («Me»):

Me, tomun tomu, saimme elämän.
Suin, sieraimin ja silmin yhä juomme sitä...
[21, s. 7]

(Мы, прах из праха, унаследовали жизнь. Ртом, ноздрями, глазами мы пьем и пьем ее...).

В поэтическом творчестве пламеносцев, по мнению Эркки Вала, получило развитие то, над чем только экспериментировали неоромантики: «живописность, свободный стих» [13, с. 15]. Пламеносцы отвергли равностопные, строфически урегулированные размеры неоромантической поэзии, считая отсутствие напевности и монотонии достоинством своих стихов. «Я сознаю, как трудно привыкнуть к новой поэзии,— писал Э. Вала.— Когда связная мысль и музыкальный ритм отсутствуют, читатель теряется» [13, с. 14].

Несмотря на стремление противопоставить себя неоромантикам, пламеносцы видели в них своих учителей, старших наставников. В 1927 г. Ууно Кайлас, а десятилетием позже Катри Вала послали письма поэтессе Л. Онерва, «духовной матери молодого поколения» [22]. Онерва была одним из ведущих литераторов среди неоромантиков. Друг Эйно Лейно, она написала о нем двухтомную монографию, которая до сих пор остается едва ли не лучшим исследованием о жизни и творчестве лидера финского неоромантизма. В своем письме Кайлас пожелал Онерва успехов в работе над этой книгой; «ее ждет весь народ»,— писал он [23]. Катри Вала хотела прив-